

«Никогда не поздно изменить свою жизнь»,

— считает певец Роберт Ллойд

Настоящая опера ассоциируется прежде всего с раззолоченными залами, блеском хрустальных люстр и бриллиантов, фраками, смокингами и шикарными вечерними туалетами великосветской публики, а также со сногшибательными примадоннами с гарующими голосами и роскошными формами, которым нефтяные магнаты дарят яхты, острова и астрономические банковские счета.

К каким в этих условиях должен быть партнер подобной примадонны, достойный не просто оттенить ее совершенства, но овладеть вниманием пресыщенной самодовольной публики?

Британский бас Роберт Ллойд — один из тех немногих, кто занимает положение в топ-десятке оперных звезд, являя собой живой ответ на сакраментальный вопрос. Разумеется, это истинный джентльмен, отнюдь не оперный, а самый настоящий. С великолепным гуманитарным образованием, полученным в Оксфорде, надлежащими поместьями, капиталами и яхтой. Разумеется, это большой артист, в активе которого весь ведущий репертуар баса в операх разных стилей, исполняемый на лучших сценах мира в партнерстве с самыми знаменитыми звездами. И, разумеется, это большой оригинал. В свое время Ллойд бросил ради сцены перспективную карьеру, а на пике своей оперной славы освоил роль русского царя Бориса Годунова в опере Мусоргского, став первым британским исполнителем этой труднейшей партии. На прошлой неделе Роберт Ллойд побывал в Москве, где участвовал в концертном исполнении оперы Бетховена «Фиделио». Перед спектаклем он уделит внимание нашему журналу.

Вы с блеском окончили Оксфордский университет как историк. Почему вы решили стать оперным певцом и как это осуществилось?

Я пел с детства, сколько себя помню. Это было не хобби и не увлечение, а мое естественное состояние. Вот примерно так же, как для других мальчишек — играть в футбол, кататься на коньках и тому подобное. Возможно, поэтому в детстве я не думал о том, что это состояние может быть профессией, и искал серьезное дело. Но чем дальше шла жизнь,

(Ни в одном деле

невозможно

добиться

по-настоящему

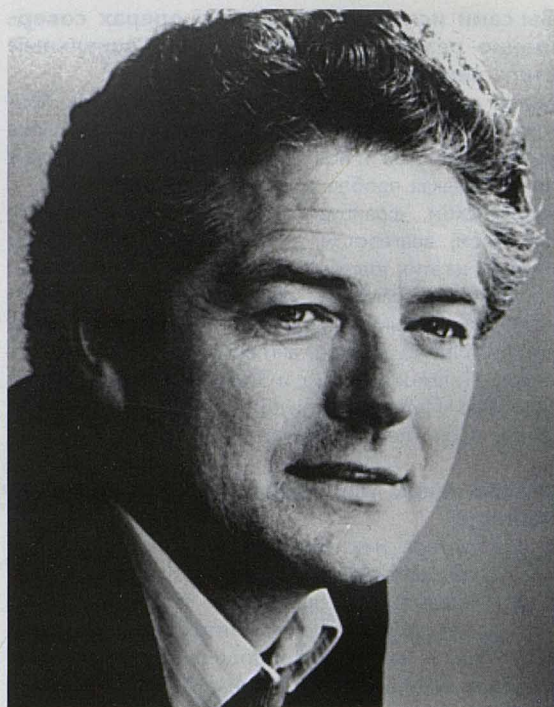
серьезных

результатов,

если не быть

ему фанатично

преданным

тем больше я задумывался о том, чтобы связать ее с пением. Однако мне не хватало смелости или, точнее, решимости. И вот в возрасте двадцати восьми лет я встретил человека, который рассказал мне, что круто изменил свою жизнь, когда ему было сорок четыре. Я подумал, что раз так, то уж мне-то точно не поздно попробовать рискнуть. Не ждать же до сорока четырех! И, как видите, получилось!

Для этого, вероятно, нужно быть фанатом оперы. Вы производите впечатление человека уравновешенного, значит ли это, что оно обманчиво? Или вы настолько хорошо владеете собой, что умеете скрывать азарт?

Какой же артист не должен уметь владеть своими чувствами? И какой же артистизм без азарта? Я думаю, ни в одном деле невозможно добиться по-настоящему серьезных результатов, если не быть ему фанатично преданным. Да, я был истинным фанатом оперы — пожалуй, таковым и остаюсь, — и мне очень нравились басы. Это счастье, что и мой голос оказался басом, не представляю, что бы я стал делать, если бы мне пришлось петь тенором. А тогда, в студенческие годы, я с упоением слушал записи. Разумеется, не только басов, но басы в моей обширной коллекции были едва ли не все. Более других мне нравились Чезаре Сьепи, Николай Гяуров и, конечно, Шаляпин.

Но Шаляпин, при всем величии его вклада в историю оперы, отнюдь не образец итальянской техники бельканто, которую вы исповедуете. У него нет той идеальной ровности тембра во всех регистрах, которую воспитывает бельканто, да и все звучание его голоса в целом — не «инструментального» характера, сливающееся с оркестром. Это звучание драматического, актерского характера.

Вы совершенно правы, я даже скажу больше: Шаляпин увлекает меня не столько качествами своего голоса, сколько мощью своей личности, содержательностью и глубиной интерпретаций. Шаляпин — это как икона: каждый, кто к ней обращается, получает что-то очень важное для себя.

Фотограф: Михаил Гурерман

Вы сами исполняете партии в операх совершенно разных стилистик. Какой вокальный стиль вам удобнее?

Более всего мне близка французская музыка, хотя я, разумеется, люблю и Верди тоже. Он писал очень удобно для всех типов голосов. Но для меня важна еще вот такая проблема. Я пою на многих языках — итальянском, французском, немецком, испанском, шведском, венгерском, русском и других, — но ни в одном из этих языков я не чувствую себя естественно. Ничто не сравнится с немецким певцом, поющим на немецком языке, или итальянцем, поющим на итальянском. Мне бы петь на английском, но в Англии нет оперы. Только «Дидона и Эней» Перселла и оперы Бриттена: «Питер Граймс», «Билли Бад», «Альберт Херинг», «Сон в летнюю ночь» — вот и все!

А роли каких персонажей вам близки по характеру?

Борис Годунов. Я потому и согласился исполнять эту роль, что давно думал о ней и об этом персонаже. Мне кажется, Мусоргский нашел более правдивую ноту для выражения проблем этого героя, чем Пушкин. Пушкин переделал историю, сделав центром трагедии вину за смерть ребенка. Об этом главный монолог Бориса — о совести. Мусоргский нашел другую правду. У него Борис — человек смелый, любящий, умелый политик. И мучается он от того, что не Богом послан на царство, а избран. В нем нет внутреннего ощущения, что он имеет право на свое место властителя. Поэтому он так мучается от того, что его не принимает народ и поэтому сходит с ума.

У нас часто проводят параллели между проблематикой «Бориса Годунова» и шекспировскими трагедиями.

*(Мне бы
петь на
английском,
но в Англии
нет оперы)*

Да, я согласен, что эти параллели законны. У Шекспира есть та же тема главенства некоего божественного закона мироздания, нарушения которого влекут за собой катастрофы в жизни и судьбах персонажей. Борис Годунов находится на том же уровне понимания трагического, когда психологические проблемы персонажа сопряжены с судьбами народа, страны, то есть с мирозданием, в котором он существует.

Вы пользуетесь вашими профессиональными навыками историка, готовясь к выступлениям в ролях исторических персонажей?

О, это трудный вопрос! Вообще-то обычно я сначала изучаю музыку и либретто оперы, а потом смот-

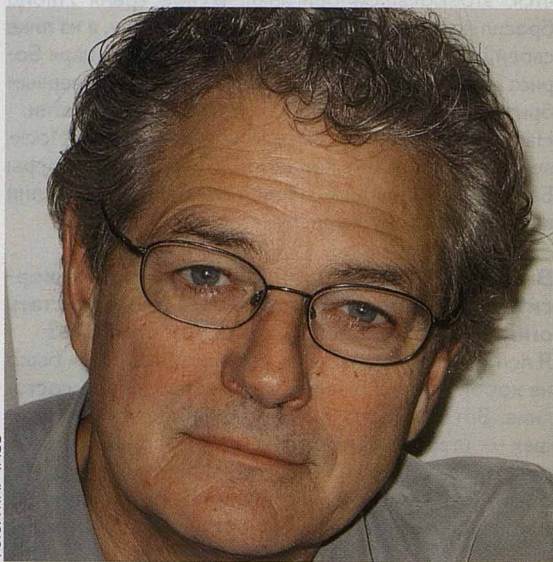

Фото: ИТАР-ТАСС

Фото: ИТАР-ТАСС

Фотограф: Михаил Гурман

Фото: ИТАР-ТАСС

рю, что добавить своему герою из исторических реалий. Ведь одно и другое часто не совпадает, поскольку композиторы и либреттисты часто пользовались историей только для того, чтобы выразить свои мысли. И если сначала изучить исторические источники, а потом — оперу, то исторического персонажа там не найдешь.

Оперный театр сейчас увлекается экстравагантной режиссурой. Как вы к этому относитесь и какой тип режиссуры предпочитаете?

Да, по части экстравагантности особенно усердствуют во Франции. Меня Бог миловал, в особенности дурацкие постановки я не попадал. Но бывало всяко. Самое худшее, что я переживал, — это «Дон Жуан» Моцарта, поставленный в декорациях ванной комнаты, отделанной мелкой кафельной плиткой. А лучшее и самое предпочтительное для меня — это то, как Тарковский поставил в Лондоне того самого «Бориса Годунова», в котором я участвовал. Здесь были и русский колорит, и идея Мусоргского, и характерные черты царя, переданные в постановке.

А вы были в реальных местах действия «Бориса Годунова»? В Кремле, в соборе Василия Блаженного, у Новодевичьего монастыря?

Увы, пока не был. Надеюсь, что в этот приезд успею сходить!

У вас очень напряженный рабочий график, как и у всех певцов вашего уровня. Спектакли во всех концах света, постоянные перелеты. Остается ли у вас время на что-либо кроме работы?

Да, разумеется, я его оставляю. Мое основное хобби — это сидеть дома и разговаривать с женой. (Смеется.) А кроме того, я яхтсмен.

Это недавнее увлечение или вы ходите под парусом с детства?

С детства, с семи лет. В основном я хожу под парусом на восточном побережье Англии. Участвую в гонках по воскресеньям. Это занимает около четырех часов в день. Я раньше практиковал и большие путешествия, но долго медленно плыть — это наводит на меня скуку. Я человек динамичный.

А не опасен ли этот спорт для голоса? Ветер-то холодный!

Нет, это все ерунда. Горло болит от бактерий, а не от ветра. Наоборот, эти походы меня только укрепляют и воодушевляют. Ну а кроме того, пение само по себе — мощное лечебное средство. Если правильно поешь, можно победить множество болезней!

Беседовал Ярослав Седов

2—8 декабря 2005 / Домой! —

С.50—53.